

— Если ты мне веришь, не слушай свою мачеху. Я знаю, что ты любишь её больше, чем свою родную мать, которая покончила с собой из-за психического расстройства. Но я должен тебе кое-что сказать: нет родителей, которые не любят своих детей. Попробуй снова перебрать вещи своей матери, и, возможно, ты многое поймёшь. Не забывай, что Сыма Хао младше тебя всего на два месяца. Это значит, что твой отец был с твоей мачехой ещё тогда, когда твоя мать была беременна тобой. Остальное ты сам узнаешь.

Вань Куйсюн сказал это потому, что Сыма И рассказывал ему, как его мачеха выбросила фотографию и вещи его матери, когда его выгнали из семьи. Именно тогда, разбирая вещи, он нашёл дневник, из которого стало ясно, что его мать была доведена до самоубийства мачехой. Никакого психического расстройства не было. А родной брат, который младше его всего на два месяца, говорил сам за себя, насколько подлым был его отец.

Сыма И нахмурился. Ему не нужно было напоминание от Вань Куйсюна, он и сам всё понимал. Его мать покончила с собой, когда ему было пять лет. Он только начинал запоминать события, а его мать постоянно говорила что-то непонятное, иногда даже била его, поэтому он не любил её. После её смерти отец привёл в дом мачеху и Сыма Хао.

Мачеха относилась к нему лучше, чем к Сыма Хао, а Сыма Хао всячески старался ему угодить.

Поэтому он всегда старался не думать об этом. Но теперь, когда Вань Куйсюн напрямую указал на это, в его голове начали появляться догадки, хотя он всё ещё не мог поверить, что мачеха и брат могут быть плохими.

Ван Жуйкай уловил суть и тоже понял.

Он похлопал Сыма И по плечу:

— Малыш, хотя я не знаю всех подробностей, как наш староста, но, брат, тебе стоит хорошенько подумать, есть ли у твоей мачехи и брата злые намерения. Попробуй сам это выяснить. Иногда люди, которые хорошо к тебе относятся, могут делать это не искренне.

Сыма И промолчал.

Вань Куйсюн и Ван Жуйкай обменялись взглядами и, увидев, что он ещё не понял, перестали обсуждать эту тему.

Вэй Сяои проспал до двенадцати. Когда он проснулся, как раз наступило время обеда. Он проснулся от голода.

Представитель по английскому языку из третьего класса, Гун Чжэннань, прислонился к кровати напротив и что-то рисовал, непонятно что.

Увидев, что он проснулся, Гун Чжэннань встал:

— Брат И, заместитель старосты сказал, чтобы ты не шёл в столовую сразу. Он и староста первого класса пошли к директору Лю, чтобы выйти и купить тебе еду.

— Ага.

Вэй Сяои потер голову, она всё ещё немного кружилась, возможно, он слишком долго спал.

— Чжэннань, сколько времени?

Гун Чжэннань посмотрел на часы:

— Двенадцать пять.

— Ты уже поел?

— Нет, заместитель старосты попросил меня присмотреть за тобой, пока они не вернутся. Еда в столовой невкусная, они сказали, что ты потерял много крови, нужно тебя подкормить.

Гун Чжэннань говорил и смеялся, он не мог сдержаться.

— Это так смешно? Просто кровь из носа.

Вэй Сяои хоть и говорил это, но всё же немного смутился.

— Нет, я не смеюсь над тобой, наоборот, я считаю тебя очень крутым. Я сам никогда не был в отношениях, но ваши чувства вызывают у меня восхищение. Неважно, мужчина это или женщина, найти человека, который искренне тебя любит, очень сложно.

Гун Чжэннань продолжал рисовать, а через несколько минут остановился.

— Брат И, этот рисунок для тебя.

Гун Чжэннань встал, снял готовый рисунок с мольберта и протянул его Вэй Сяои.

Вэй Сяои взял рисунок и замер.

На рисунке были он и Вань Куйсюн. В слабом свете он спал на кровати с закрытыми глазами, а Вань Куйсюн, наклонившись, собирался поцеловать его в лоб. Взгляд Вань Куйсюна был полон нежности и любви, что заставило его сердце биться чаще.

Вэй Сяои широко открыл глаза:

— Это?

— Это последний момент, который я успел запечатлеть перед тем, как все выключили свет. Взгляд старосты первого класса глубоко впечатлил меня, поэтому я решил нарисовать это и подарить тебе.

— Спасибо, ты рисуешь очень хорошо, мне очень нравится.

Вэй Сяои, глядя на рисунок, рассмеялся.

Гун Чжэннань смущённо почесал голову:

— Рад, что тебе понравилось.

Он тоже помнил, что хорошо нарисовал.

Они разговаривали, когда Вань Куйсюн и Ван Жуйкай вошли в комнату, неся с собой пакеты с едой, фруктами и обедом.

Вань Куйсюн, увидев, что он проснулся, поставил вещи и сел на кровать.

— Как себя чувствуешь, голова ещё кружится?

— Всё в порядке, уже прошло, это пустяки.

Вэй Сяои начал одеваться.

Рисунок он спрятал под подушку, но не успел его скрыть, как Вань Куйсюн заметил.

— Что ты прячешь? Покажи.

— Не дам.

— А, так у тебя есть секреты? Покажешь, или я начну капризничать.

Слова Вань Куйсюна заставили Вэй Сяои сдаться.

Он сам протянул рисунок.

Вань Куйсюн взял его, и его глаза загорелись.

— Вау, кто это нарисовал? Я выгляжу так круто!

Вань Куйсюн тут же закричал.

Вэй Сяои, видя, как он радуется, рассмеялся:

— Чжэннань нарисовал, он мне подарил.

— Чжэннань? Кто это?

Вань Куйсюн действительно не знал его.

— Староста первого класса, вот он, Гун Чжэннань.

Гун Чжэннань поспешно представился.

Вань Куйсюн посмотрел на него. Он запомнил его как парня из 109, но не знал его имени.

— А, это ты. Рисуешь действительно здорово, спасибо.

Гун Чжэннань покраснел и замахал руками:

— Не за что, не за что.

Ван Жуйкай ударил его по груди:

— Ладно, не скромничай. Твой рисунок — лучший в школе. Обычно ты даже не хочешь рисовать, а сегодня сам предложил нарисовать брата И. Ты должен нарисовать и мне.

Гун Чжэннань сразу же отказался:

— Нет, у меня есть принципы. Никто не может заставить меня рисовать, если только ты не сделаешь что-то, что меня тронет. Тогда я нарисую тебе.

Ван Жуйкай закричал:

— Вот ты зануда, всегда со своими правилами.

Вань Куйсюн, глядя на рисунок, действительно был доволен и быстро спрятал его.

Они вместе поели, затем начали стирать одежду. Несколько дней дождя оставили кучу грязного белья. Все из 101 и 109 вернулись из столовой и, увидев, что они стирают, тоже присоединились.

Сыма И никогда сам не стирал одежду, он не знал, как это делать.

Настоящий богач.

Все стирали, а он стоял у раковины с тазом, в котором лежала его грязная одежда.

Вань Куйсюн, увидев его, сразу понял, что он не умеет, и сказал:

— Сам делай, сам и справляйся. Если ты выбрал жизнь в коллективе, избавься от привычек богача. Здесь не город А, нет никаких элитных школ. Не умеешь — учись.

— Ок.

Сыма И послушался.

Все знали, что он из богатой семьи, и не смеялись над ним. Некоторые освободили ему место, дали воду и стиральный порошок.

Он взял белые брюки и насыпал туда горсть порошка, начав тереть их руками, как это делали другие. Руки у него уже болели, но некоторые пятна всё ещё не отходили.

Он делал это впервые, поэтому был неопытен. Порошка он насыпал слишком много, руки уже побелели от воды, и он чувствовал себя всё более обиженным. Когда-то он никогда не занимался таким.

Дома за ним всегда ухаживали.

Остальные не могли смотреть на его обиженный взгляд и нежные руки, это было слишком жалко.

Они уже собирались помочь ему, но Вань Куйсюн резко остановил их.

— Сегодня никто не поможет ему. Все эти капризы — результат избалованности. Если с детства не научишься, то вырастешь без капли мужества. Как ты собираешься управлять своим наследством? Слезами? Или своим лицом?

Вань Куйсюн говорил безжалостно.

— Брат, хватит, я буду стирать, я буду.

Сыма И стирал и плакал, но в его глазах была упрямая решимость.

— Если ты назвал меня братом, я обязан тебя научить. В будущем я обязательно буду тебя защищать. Завтра приедет твоя мачеха, неважно, пойдёшь ли ты с ней, поедешь ли в Америку, но ты обязательно должен вернуться в страну. Когда вернёшься, сразу найди меня. Это мой последний совет, иначе ты пожалеешь об этом всю жизнь.

Сказав это, Вань Куйсюн резко бросил таз и ушёл.

[Примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16172/1450054>